

DOI: 10.19181/inter.2026.18.1.2
EDN: HTQYEC

Конструирование опыта суррогатного материнства: эмоциональная работа и профессионализация в биографическом нарративе¹

Ссылка для цитирования:

Моисеева А. А. Конструирование опыта суррогатного материнства: эмоциональная работа и профессионализация в биографическом нарративе // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 1. С. 39–56. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.2> EDN: HTQYEC

For citation:

Moiseeva A. A. (2026) The Making of a Surrogate Motherhood: Emotional Labor and Professionalization in Biographical Narratives. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 1. P. 39–56. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.2>

Моисеева Анастасия Алексеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
E-mail: mn_0911@mail.ru

На базе биографического интервью с суррогатной матерью из России анализируется, как женщина конструирует свой опыт в рамках коммерческого репродуктивного труда. Ключевые стратегии, отраженные в нарративе, — профессионализация своей деятельности и эмоциональное отстранение от вынашиваемого ребенка. При этом центральными фигурами, на которые переносятся все эмоции и смыслы, становятся биологические родители. Несмотря на доминирующий дискурс осознанного выбора и финансовой мотивации, опыт суррогатного материнства требует интенсивной эмоциональной работы и сложного согласования противоречивых социальных ролей. Проведенное биографическое интервью также рассматривается как пример исследовательской работы с сенситивным полем.

Ключевые слова: суррогатное материнство; вспомогательные репродуктивные технологии; репродуктивный труд; биографический метод

¹ Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

И сказала Сара Аврааму: вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не родить; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее.

Бытие 16:2²

О суррогатном материнстве

Феномен суррогатного материнства существует в человеческой истории длительное время, однако развитие вспомогательных репродуктивных технологий (далее ВРТ) с 1980-х годов сильно усложнило его формы и увеличило частоту прибегания к нему [Kneebone et al., 2022], в том числе и в России [Ростовская, Кучмаева, 2021]. Различают традиционную форму суррогатного материнства, где вынашивающая мать является и генетической матерью, и гестационную, где донор яйцеклетки и суррогатная мать — это разные люди [Денисова, 2018]. Традиционная форма считается незаконной в России, как и во многих странах мира. Также выделяют безвозмездное/альтруистическое и коммерческое материнство. В большинстве стран реализуется безвозмездная форма, в то время как коммерческая запрещена. Россия является одним из исключений, где могут реализовываться обе формы. Отметим, что безвозмездная форма не означает, что женщины не имеют никакой компенсации, обычно они также получают месячное содержание и итоговый «подарок» [Jacobson, 2021]. Разница скорее заключается в моральном фреймировании, поскольку в безвозмездной форме суррогатное материнство воспринимается как альтруистическое самопожертвование [Jacobson, 2021; Kneebone et al., 2022]. В России, где все же чаще реализуется коммерческое суррогатное материнство, труд суррогатных матерей рассматривается в рамках рабочих отношений, и женщины выступают как «предприниматели», предоставляющие возможности своего тела и получающие вознаграждение [Siegl, 2018].

Суррогатное материнство как социальная практика подразумевает наличие множества акторов: суррогатные матери; доноры гамет; потенциальные родители, обращающиеся к услугам доноров и суррогатных матерей; медицинские и юридические инстанции, модерирующие эти процессы [Богомяжкова, 2015]. Родители могут обращаться за помощью к специальным агентствам, кураторам или же работать с суррогатной мамой напрямую, и этот опыт будет очень сильно различаться [Денисова, 2018]. Степень близости общения родителей и суррогатной мамы также может варьироваться [Gunnarsson et al, 2020].

Отметим, что при использовании ВРТ происходит проблематизация и переопределение биологических и социальных компонентов родства [Ларкина, 2020]. В результате материнство и родительство перестают быть четко определенными концептами, и формируется концепция дисперсного родства [Snowden et al., 1983; Strathern, 1995; Ткач, 2013].

² Бытие 16:2 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Изд. 7-е. Москва: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022.

Способы легитимации коммерческого суррогатного материнства в России базируются на дискурсивной практике отрицания определения сурматеринства как формы «продажи детей» и вместо этого — на акцентировании идеи генетического родства и законности подобного формата ВРТ [Душина и др., 2021]. В исследовании рынка донорских гамет [Ларкина, 2020] родство подчеркивалось через социальные аспекты (возникающую эмоциональную привязанность во время беременности и практики заботы), а также имитацию генетического родства (подбор похожих на мать доноров и наличие генетического материала отца).

Опыт суррогатного материнства зависит от множества факторов: от страны, от условий программы, от социально-экономического статуса участников этого процесса. Академическая литература фиксирует контрастные нарративы в опыте суррогатных матерей. С одной стороны, существуют исследования [напр.: Smietana, 2017; Kneebone et al., 2022; Jadva et al., 2015], героини которых описывают высокую степень удовлетворенности и выражают готовность к повторному участию. С другой стороны, есть работы [напр.: Tashi et al., 2014; Deomampo, 2013], которые акцентируют внимание на том, что суррогатная мать может быть вынуждена перебарывать возникшую эмоциональную связь между ней и ребенком, послеродовую депрессию, непринятие окружением (в том числе партнером и своим ребенком), экономические проблемы, а также постоянный страх за здоровье ребенка. В этнографических работах, изучавших опыт суррогатных мам в России, также отмечаются эмоциональные трудности и различные формы дискриминации, с которыми столкнулись женщины [Siegl, 2018; Weis, 2021].

В контексте опыта суррогатного материнства часто упоминается концепция «эмоциональной работы» [Hochschild, 2011]. Во-первых, отмечается, что суррогатная мама проводит «обратную» эмоциональную работу, блокируя свои эмоции, чтобы избежать привязанности к ребенку [Денисова, 2018; Pande, 2010]. Во-вторых, она проводит «прямую» эмоциональную работу, встраиваясь в необходимый дискурс о женском теле, находя тем самым баланс между заботой и дистанцией по отношению к ребенку [Siegl, 2018]. В этом же исследовании указывается особый способ взаимодействия женщин со своим телом, в котором они «настраивают» его под необходимые форматы: умиряют свои эмоции, борются с гормонами и прочее.

Внутри этой эмоциональной работы стоит выделить ту особую роль, которую для суррогатных матерей играет их отношение к родителям ребенка: очень часто женщины сами хотят близкого контакта с генетическими родителями [Verend, 2014]. Разрыв этого контакта приносит им боль, иногда даже большую, чем разрыв контакта с ребенком [Verend, 2012]. Беренд пишет об особом «языке любви» суррогатных матерей: уважение к своему опыту, привязанность к генетическим родителям, альтруизм становятся определяющими моментами, которые они используют, чтобы отделить свой труд от рыночного. Эти характеристики особенно сильно проявляются в безвозмездном суррогатном материнстве, но могут найти свое отражение и в коммерческом.

Суррогатное материнство — не единственная сфера, где эмоции становятся объектом управления, однако контекст репродуктивного труда привносит в эту работу беспрецедентную этическую сложность и телесную вовлеченность [Hochschild, 2011]. Отметим, что и донорство ооцитов как смежная область репродуктивного труда также сопряжено с интенсивной эмоциональной работой по конструированию альтруистической мотивации и управлению отношениями с генетическим материалом [Almeling, 2011]. Однако в данной работе мы концентрируемся на опыте гестационного суррогатного материнства, который включает не только эмоциональные, но и уникальные телесные, социальные и правовые аспекты вынашивания и передачи ребенка. Биографическое интервью, которое мы будем рассматривать далее, конечно, не позволяет нам обобщить опыт суррогатного материнства, но позволяет рассмотреть конкретный нарратив, в котором проявляются элементы конструирования идентичности в этих условиях.

Об информантке

Нашей информанткой стала Наталья (имя изменено), рекрутинг которой произошел через ее блог в одной из социальных сетей. Выбор пал на нее, поскольку она обладает двумя ключевыми особенностями: Наталья дважды была суррогатной матерью, а сейчас работает куратором в этой сфере. Кроме того, она ведет довольно крупные блоги о суррогатном материнстве на разных медиаплощадках и имеет тысячи подписчиков³.

Кратко обозначим реперные точки на жизненном пути Натальи. Она единственный ребенок в семье, прожила всю жизнь в Москве. Ни с одним из родителей Наталья не общается, но поддерживает контакт с бабушкой по материнской линии. С мужем она начала встречаться еще до совершеннолетия. Когда ей исполнилось 18, он сделал предложение, но поженились они только когда она забеременела (на тот момент Наталье было 20 лет). После полутора лет декрета она решила «провести оставшееся время с пользой» и пошла в свою первую программу суррогатного материнства, в это же время завела блог. Здесь информантка не только осуществляет рекрутинг суррогатных мам (материальная цель), но и уделяет внимание просвещению аудитории относительно темы ВРТ. Позднее она получила еще одно предложение стать сурмамой и опять ушла в декрет. В ходе своей карьеры суррогатной мамы она обзавелась связями, что позволило ей стать куратором, это и является в настоящее время основной ее деятельностью. Сейчас ей 26 лет, ее ребенку шесть лет, вместе с мужем они живут в Москве в собственной квартире, ипотеку на которую закрыли преимущественно за счет денег за суррогатное материнство.

Все эти условия создают интересную и многосоставную основу для трансляции собственной идентичности, которая, нужно признать, была

³ Подобная практика является довольно распространенной среди суррогатных матерей. Автор статьи нашла порядка 20 подобных личных блогов, находящихся в публичном доступе. Среди них блог Натальи один из самых популярных.

сконструирована не только в процессе самого интервью, но и многократно до: в «оправдательных» разговорах с близкими людьми, во время рабочих встреч с другими сурмамами, которых нужно курировать, и в ходе обсуждений ее опыта в интернете. Наш ключевой исследовательский вопрос был следующим: как женщина, выступающая в роли суррогатной матери в России, конструирует свою идентичность через нарратив, балансируя между дискурсом профессиональной самоидентификации и эмоциональной работы?

Биографическое нарративное интервью

Методология

В качестве базового метода мы использовали биографическое нарративное интервью по схеме Шютце [Рождественская, 2020]. Оно позволяет информанту самостоятельно осуществлять интерпретативную работу по поводу сложных периодов прошлого, что не всегда получается в полуструктурированных интервью [Svašek, Domecka, 2020]. Также именно этим способом можно посмотреть на процесс конструирования идентичности у человека [Szczepanik, Siebert, 2016], что особенно важно в нашем конкретном кейсе, где женщина репрезентирует несколько ролей сразу.

Интервью проводилось онлайн, его продолжительность составила 80 минут. Сначала мы представили информантке цели исследования и попросили ее рассказать историю своей жизни — это была стадия свободного нарратива. Затем следовала стадия расспрашивания с уточняющими вопросами [Szczepanik, Siebert, 2016].

Анализ проводился в несколько этапов [Fernandes et al., 2017] и включал текстуальный анализ, анализ нарративных отрезков, аналитическую абстракцию и сравнение жизненных периодов, а также сопоставление нарративов и обоснований информантки.

Биографическое интервью и чувствительность

Исследование опыта суррогатного материнства, связанное с работой над эмоционально насыщенными и социально уязвимыми аспектами жизни, потребовало от нас преодоления чувствительности на всех этапах работы. В литературе широко обсуждается, что качественные методы оптимальны для работы с чувствительными темами [Elmir, 2011]. Неструктурированные интервью, представляя собой совместный опыт исследователя и информанта, позволяют создать обстановку доверительной беседы [Ramos, 1989]. Этим обусловлен выбор метода биографического нарративного интервью, не предполагающего жесткого гайда: мы ограничились списком широких тем, не сковывавших развитие нарратива.

Мы использовали ряд приемов для снижения чувствительности для информантки. Среди них — особое внимание к процедуре информированного согласия, гарантии полной анонимности, а также использование вербальных и невербальных стратегий для установления доверительного контакта во время беседы, в том числе в онлайн-формате [Westland et al., 2025].

Сенситивные темы можно определить как «темы, которые потенциально могут причинить физический или психологический ущерб участникам или исследователю» [Cowles, 1988]. Однако воздействие на последнего освещается значительно реже. Неструктурированные интервью также часто истощают и исследователя [Corbin, Morse, 2003]. В нашем случае это проявилось в двух аспектах: во время интервью необходимо было поддерживать нарратив и отслеживать эмоциональное состояние информантки, а также управлять собственными реакциями, что требовало высокой концентрации и эмоциональной гибкости. Отмечается, что важно иметь достаточный опыт, который позволит установить доверие и при этом контролировать поток поступающей информации [Corbin, Morse, 2003]. Трудности возникли и на этапе анализа. Поскольку анализ основывался на единичном интервью, эмоциональное отрешение было затруднено из-за невозможности сравнительного обобщения опыта. Требовался постоянный поиск баланса между эмоциональным погружением в сенситивный опыт информантки и сохранением аналитической дистанции.

Несмотря на эти вызовы, важно отметить, что подобные интервью в контексте сенситивных исследований обладают значительным позитивным потенциалом. Они могут иметь терапевтический эффект и дают голос тем, кто его лишен в публичном пространстве [Elmir, 2011]. Наталья, уже ведущей публичный блог, интервью позволило более рефлексивно осмыслить свой опыт. Таким образом, работа с сенситивностью выступает не только как методологический вызов, но и как основа для этического и продуктивного исследовательского взаимодействия.

Интерпретация

Наименования

Нам кажется верным начать интерпретацию с наименований, которые информантка дает своему опыту. Суррогатную беременность (и подготовку к ней) она последовательно называет «программой». Данный термин, хотя и является устоявшимся в контексте суррогатного материнства, в ее нарративе приобретает особый смысл: уже на первоначальном этапе этот путь предстает как некоторый осуществляемый проект, а не как эмоционально нагруженный процесс.

Фактические родители ребенка именуется «биологическими родителями» / «биомамой» и «биопапой». Очень часто они сокращаются до просто «био». Последнее пусть изначально и подразумевает обоих родителей, очень часто означает только мать, что подчеркивает гендерный дисбаланс этого опыта. В целом роли родителей в программе неодинаковы. Отношения с биомамой описаны как личные, поддерживающие и эмоциональные, она берет на себя роль основного коммуникатора и координатора. О биопапе в интервью практически не упоминается, его роль остается в тени. В ответе на прямой вопрос о нем Наталья подчеркивает, что «девочке с девочкой» комфортнее

обсуждать детали. Его участие лимитируется радостью по телефону после родов и соприсутствием на встречах с биологической матерью.

Себя же она называет «сурмамой». Представляет интерес, как по-разному она трактует это понятие несколько раз в течение разговора. Самой первой появляется метафора «няни», подчеркивающая рациональный и договорной характер отношений. Эта метафора является устоявшейся для данной среды, что обсуждается и в других научных работах [Siegl, 2018; Gunnarsson et al., 2020].

«Я просто вот няня».

Главной чертой суррогатного материнства для Натальи становится ответственность перед родителями, о чем она говорит несколько раз:

«То есть во время беременности ты ответственный, ты как няня, да; тебе доверили ребенка, ты вот все эти девять месяцев его охраняешь, защищаешь, оберегаешь».

Затем в интервью появляется интересное сравнение с ролью «лучшей подруги» биомамы. Это еще раз подчеркивает гендерную специфику этих отношений, а также вступает в противоречие с рациональным и договорным дискурсом, доминирующим во всем интервью.

«Я смотрю на биомаму, как будто бы это вот моя лучшая подруга. Родила ребенка — и я вот искренне радуюсь тому, что вот это вот ее ребенок».

Но доминирующей интерпретацией этого опыта становится суррогатное материнство как работа, рынок, где женщина реализует себя.

«Например, ставят очень высокий ценник, давайте скажем, мы же про работу говорим, про рынок, да?»

Коммуникативные стратегии информантки

В ходе интервью Наталья постоянно обращается к коммуникативным стратегиям, которые можно объединить в 2 группы: стратегии отстранения и стратегии оправдания. В рамках стратегий первой группы Наталья очень часто прибегает к пересказам диалогов. Чаще всего по смыслу эти диалоги представляют собой не реальные разговоры, а скорее обобщенные случаи из ее опыта. Встречаются, однако, и фрагменты, где воспроизводятся конкретные ситуации. Например, объяснение информантки с бабушкой:

«Но я была удивлена, что она поняла меня. И единственное, что она мне сказала, что у меня matka старая. Я говорю: „Бабушка, мне всего 21 год“. Она говорит: „Ну и что, ты же уже рожала, тебе уже 21“. А про вторую

программу, ну, я ей сразу сказала, она говорит: „Ну сколько можно!“ Я говорю: „Ну и что? Пока здоровье позволяет, почему нет?“»

Стоит пояснить, почему мы предлагаем считать это стратегией отстранения. Такой формат позволяет информантке приводить аргументы к своим словам, не делая отсылки на конкретных людей и конкретные события, то есть не привязывая их к обстоятельствам собственной жизни. Выстраивается особая форма самопрезентации: информантка цитирует свои прошлые высказывания, и такое отстранение от роли субъекта дает ей возможность не оценивать свои прошлые поступки с точки зрения нынешнего «я», практически полностью исключая эмоциональный компонент нарратива как в прошлом, так и в настоящем.

Стратегия отстранения также реализуется через постоянное противопоставление своего опыта опыту других людей (суррогатных матерей или работников агентств), при этом своя позиция по теме часто не артикулируется, а сводится к признанию разного опыта, о чем свидетельствуют регулярно повторяющиеся фразы: «у всех по-разному» или «каждому свое».

«Просто многие хотят улучшить свои жилищные условия. Понятное дело, что есть сурмамы, которые, ну, финансово неграмотны, скажем так. Ну все мы разные. Соответственно, кто-то на себя тратит, кто-то на свое будущее. Ну тут каждому свое. Но суть одна: что мы просто улучшаем свое состояние, и кто-то просто не хочет на этом останавливаться».

Второй набор стратегий относится к стратегиям оправдания. При прочтении интервью складывается впечатление, что помимо интервьюера и информантки в разговоре всегда есть третья сторона, которая обязательно противостоит позиции Натальи, но при этом полностью обезличена.

«То есть я не чувствую себя с ним (с ребенком. — Примеч. авт.), какой-то связи или еще что-то, хотя многие мне пророчили депрессию и что там я буду вообще плакать. И я это скрываю. На самом деле — нет, от слова совсем».

Здесь мнение третьей стороны становится отправной точкой для объяснения своего образа жизни или позиции. Ключевым риторическим инструментом этого объяснения, используемым в силу деликатности темы, становится последовательное занятие промежуточной позиции между антагонистическими точками зрения.

«То есть я бы не расстроилась, если бы, например, у меня бы прекратилось общение что с одними, что со вторыми [родителями]. Потому что, я говорю, я даже на это и не рассчитывала. <...> И, я говорю, это выбор каждого. Я уважаю каждый выбор».

Агентность

Весь нарратив Натальи агентен, рационален и направлен на оправдание цели и средств, предпринимаемых для ее достижения. Но относительно социального дискурса вокруг суррогатного материнства, на который обращает внимание в своем рассказе и Наталья, он становится контрнарративом.

Перечислим некоторые характеристики, которые указывают на это. Наталья из Москвы, и для нее это важный момент идентичности. Для нее важно иметь собственную квартиру, что и стало главным мотивом для вступления в программу суррогатного материнства. Она активно подчеркивает, что суррогатное материнство — это осознанный выбор, и он был ее личной инициативой.

«И я обдумывала, обдумывала и решила сначала пойти в доноры. <...> И вот, сидя в декрете, я сижу и думаю, почему бы мне оставшийся мой декрет (у меня оставалось там полтора года до трех лет) не посидеть бы в декрете с пользой и не заработать бы еще и на первый взнос».

«То есть многие считают, что вот как так мог муж разрешить? Но это в первую очередь как бы мое желание».

Наталья описывает, как в ходе беременности самостоятельно принимала многие решения (например, выбор клиники) и доказывала их оптимальность биологическим родителям, а также вовлекалась в сообщество сурмам для получения необходимой информации.

Пройдя две программы, Наталья не останавливается, она еще сильнее профессионализирует себя и становится куратором других суррогатных мам. Непосредственным стимулом также выступает финансовый мотив, но интересно, как она описывает свое вхождение в эту среду через самостоятельное выстраивание связей с врачами, агентствами, биологическими родителями, построение репутации.

«Ну, в первую очередь, в кураторы просто так тоже не берут с улицы. Я непосредственно в плане ЭКО (подразумеваются ВРТ. — Прим. авт.) с 2020 года, вот в этой во всей сфере. И я за эти годы познакомилась с очень многими репродуктологами, с какими-то кураторами, тоже агентами в этой сфере. И, ну, как сказать, на хорошем счету у многих врачей. Ну опять-таки, это все заслуга того, что ты общаешься со всеми, тебя знают, ты показываешь себя в работе, и если ты показываешь себя с хорошей стороны, как ответственного человека, что ты можешь это все делать, то, соответственно, люди захотят с тобой работать».

Также Наталья ведет активную просветительскую деятельность на различных сетевых платформах, где рассказывает про свой опыт суррогатного материнства, общается с комментаторами, пытается объяснить другим людям реальность своей жизни, разоблачить мифы. Следует отметить, что через эти же каналы она производит и рекрутинг в рамках своей кураторской деятельности.

«Ну а что, надо об этом рассказывать, потому что люди неграмотны в этом плане. Кто-то говорит, что я рекламируюсь, пропагандирую, но никто не понимает основного посыла, что я как бы рассказываю о том, как это все происходит. Например, нас никто не насилует. Люди до сих пор думают, что сурмам насилуют чьи-то мужья. <...> И вот начинаю просто простыми вещами объяснять. До кого-то доходит, до кого-то все равно не доходит».

Еще одним важным, с ее точки зрения, результатом этой деятельности является выход из стигмы ее самой и помощь в преодолении стигматизации другим суррогатным мамам.

«Раньше это считалось... Ну, люди стыдились этого. Сейчас сурмамы больше начали рассказывать об этом. Потому что раньше это было, ну, как-то для многих это было стыдно. Вот я сурмама. Да вы что, не дай бог, кто-то узнает из соседей. Сейчас девочки начали об этом рассказывать, и это очень здорово. Я считаю, что этого не нужно бояться, стесняться и стыдиться».

Эмоциональность

Как уже упоминалось, в риторике Натальи практически отсутствуют эмоциональные элементы. Даже в ответе на прямой вопрос, направленный на выяснение этого аспекта, эмоции зацензурированы.

Интервьюер: А перед беременностью, поскольку это такое тяжелое, скажем так, мероприятие, очень длинное и утомительное, происходит какая-то эмоциональная подготовка или какое-то настраивание?

Наталья: Ну, у кого как. У меня, например, не было такого. Я говорю, вот моя первая программа быстро началась. И вторая тоже достаточно быстро. У кого-то, девочки кто-то настраивался, там, месяц-два, там, писал, нет, я лучше вначале в донорах схожу еще, там, подумаю. Ну то есть тут тоже у всех по-разному.

Однако когда эмоции все же возникают в нарративе, они облекаются в специфическую форму. Ключевой категорией становится ответственность: в начале интервью Наталья упомянула особую ответственность, которую она несет как суррогатная мама за ребенка, связав ее с эмоциями радости от окончания программы.

«И вот ты родил — и все: твоя зона ответственности закончилась, ты выдыхаешь, ты все, ты свободен и ты радуешься жизни».

Затем на стадии расспрашивания мы услышали довольно подробные объяснения этого чувства на каждом этапе беременности. Нужно отметить, что рассказ очень медиализированный и телесный в силу специфики темы.

Это один из немногих моментов, когда можно уловить эмоциональную нагруженность, хотя и не выраженную буквально, в речи информантки. Слово «ответственность» не связывается с какими-либо эмоциями, оно скорее их маскирует. В следующей цитате ответственность считывается в описанной цепочке действий:

*«Следующий этап — это подтверждение сердцебиения. **Хоть бы оно появилось**, это сердцебиение, чтобы эмбрион развивался правильно. Все, сердцебиение появилось. Дальше ты **сидишь, трясешься, ждешь** первого скрининга. Потому что на первом скрининге, как мы знаем, делают, сдают кровь на риски, да, патологий плода, на риски, как будет протекать беременность. И ты **переживаешь за это**, чтобы риски все были минимальными. Затем ты **ждешь**, когда наконец-таки ты **услышишь** шевеление малыша, потому что **все равно страшно**, когда ты, да, **лежишь и думаешь**, а все ли у него там хорошо, как он там себя чувствует? Он **не шевелится, ты его не чувствуешь, ну, не понимаешь**, в порядке?»*

Рассказ передает состояние стресса, даже страха, а также полной беспомощности перед процессом. Это один из редких моментов интервью, где рассказ Натальи лишен субъектности и агентности. И именно в этом нарративе можно найти одно из немногих упоминаний взаимодействия с ребенком (еще не рожденным), выраженных в практиках заботы о его самочувствии, а не в выполнении условий договора, как это фреймируется в остальном интервью.

Другим таким моментом взаимодействия стал ответ на вопрос, каким образом суррогатная беременность была объяснена собственному ребенку Натальи. Она говорит о том, что в силу его малого возраста было достаточно не акцентировать внимание на беременности. Беременность тут сводится до телесного выражения — «живот». Информантка считает нужным пояснить, что она разговаривала с животом (с нерожденным ребенком) только в отсутствие своего ребенка. Тут видится некоторое противоречие: с одной стороны, она отрицает наличие эмоциональной связи с ребенком, которого вынашивает, с другой — она все равно воспроизводит с ним традиционные материнские практики, направленные на установление эмоционального контакта, и, что более важно, считает нужным упомянуть и оправдать это в интервью.

«Мы рассказываем, что тут у него братик. Подготавливаем, да. И мы делаем всегда акцент на животе. Тут я его не делала от слова совсем... То есть это не говорит о том, что я не разговаривала с животом, там, еще что-то, нет, я с ним разговаривала, когда не было ребенка.»

Эмоции в рассказе сосредоточены не только на ответственности в ходе беременности, но и на альтруистических мотивах. Несмотря на финансовую мотивацию, в словах Натальи есть и понимание того, что она помогает людям, которые не могут иметь детей. Альтруистический мотив усиливается, когда Наталья узнает личные истории биологических родителей, их путь к родительству,

это становится для нее не просто работой, а миссией — помочь конкретным людям получить ребенка. Однако это усиливает и эмоциональную нагрузку:

«Плюс ответственность возрастает еще в те моменты, когда ты узнаешь историю биологических родителей, как они пришли к этому пути. Особенно если это последний эмбрион... В моей программе был последний; это был их последний эмбрион. <...> А тут — последний эмбрион, и ты понимаешь, насколько на тебя повесили вот это вот все, всю эту ответственность за этого ребенка. Как ты максимально должна помочь этим людям и помочь этому малышу родиться».

Биологические родители

Главными персонажами в этом нарративе, помимо Натальи, являются биологические родители. Сам ребенок в большинстве случаев не упоминается. В этом смысле интересно отметить яркий пример смещения фокуса: вопрос о ребенке спровоцировал ответ исключительно о родителях. В какой-то момент мы спросили Наталью, не хотелось ли ей продолжить общение с ребенком или получать про него какие-то новости? Ответ был про общение с биологическими родителями.

Интервьюер: *А было ли желание продолжать общаться с ребенком, с детьми после их рождения, получать известия о них?*

Наталья: *Вы знаете, нет. То есть я бы не расстроилась, если бы, например, у меня бы прекратилось общение что с одними (биородителями. — Прим. авт.), что со вторыми. Потому что, я говорю, я даже на это и не рассчитывала.*

Нормативность поведения как своего, так и других суррогатных матерей женщина оценивает, основываясь на мнении биологических родителей. Оправдание эмоциональной отстраненности от ребенка объявляется нормативным, потому что оно не вызывает тревогу у биоматери. Такая же риторика повторяется потом еще несколько раз, пусть и не так явно.

«Даже биомама сравнивала... Вот у меня вторая биомама, у нее было две сурмамы одновременно. То есть я родила первая, а вторая сурмама родила через три месяца после меня. И даже она говорит, что у нас с той сурмамой взгляд на детей разный. То есть у меня взгляд, она говорит: „Ну, у тебя взгляд, как у моей подруги, которая смотрит на моего родного ребенка. А у нее взгляд был непосредственно... Вот ей было тяжело“. То есть у сурмамы, у нее был взгляд привязанности. Вот она, к сожалению, привязалась, та сурмама. Она говорит: „Я прям вижу по ее глазам, что она прям постоянно вот смотрит так на ребенка“. Вот. Но там все хорошо тоже закончилось».

Критерии «хорошей» суррогатной мамы, «хорошего» агентства и «хорошей» программы также в большинстве случаев определяются биородителями,

их эмоциональным комфортом и их правом быть главными во время всего процесса.

«Многие мамы очень ждут всегда какие-то дополнительные плюшки. Но я считаю, что этого не должно быть. Это тоже инициатива биородителей».

Еще одним лейтмотивом интервью становится героизация опыта биологических родителей. Вероятно, это самый противоречивый момент всего интервью, так как соседствует с подавленным чувством материнства суррогатной мамы. С одной стороны, такая героизация позволяет принизить значимость своего опыта, выдвинув вперед биологических родителей, которым должны достаться все эмоции, как радостные, так и отражающие трудности родительства. С другой стороны, биологические родители становятся единственными людьми во время прохождения программы, к которым Наталья позволяет себе испытывать эмоции в силу эмпатии к их трудностям.

Особенно ярко это видно на примере с донорством яйцеклеток, потому что это процесс, симметричный тому, через который проходит биологическая мать. Наталья стала донором в начале своего пути и советует это сделать тем, кто хочет начать свой путь в ВРТ. Описывая свой опыт, она не углубляется в переживания, подчеркивает рациональность и обдуманность этого решения, а также его альтруистичность, поскольку донорство — это помощь женщинам, которые не могут сами родить. Физиологичные, неприятные моменты этой процедуры умалчиваются.

«И я обдумывала, обдумывала и решила сначала пойти в доноры. То есть мой путь во всем этом начался с донорства. Есть такая как бы у нас, разрешена такая же помощь, как, например, донорство яйцеклеток для женщин, у которых своих яйцеклеток, к сожалению, нет, либо они мутационные, то есть больные. И женщина может выносить ребенка и родить его, но не своего кровного. И, соответственно, ей нужен донор. И женщины чаще всего ищут донора, похожего на себя, чтобы и ребенок, соответственно, которого она будет вынашивать, тоже был похожий на нее. И я пошла в доноры».

Далее Наталья описывала, как близкое окружение интересуется ее деятельностью, как просят у нее совета по поводу репродуктологов и спрашивают, как начать заниматься ВРТ. В ответ она советует им начать с донорства яйцеклеток.

«Кто-то говорит: „Наташ, я вот тоже хочу попробовать сурмамой, но сейчас боюсь“. Я говорю: „Ну попробуй тогда в доноры сходить, если ты сейчас сурмамы боишься, хоть чуть-чуть как-то познакомишься с этой стороной, сходи в доноры“. В доноры можно сходить даже не имея своих детей. То есть главное, чтобы было 18 лет и позволял запас яйцеклеток, и по анализам было все хорошо. И пожалуйста, в добрый путь».

И особенно интересно смотреть, как контрастно описывается точно такая же процедура у биологической мамы. Этот рассказ был спровоцирован вопросом в конце интервью, как, по ее мнению, формируется связь биологических родителей с ребенком. Ответом на вопрос стал «путь», который здесь описан совсем иначе: очень физиологично, болезненно и эмоционально, — и завершается формулой: «это не конфетку съесть». Разница в описании обусловлена разницей в отношении к своему телу, телу других работниц ВРТ и телу биологической матери, а также в отношении их эмоций.

«Путь, который они проходят. Эмбрион не просто так дался. Кто-то, чтобы получить хотя бы один эмбрион, биоматериал, например, биопане проще немножечко сдать биоматериал, а биоматериалу не так все просто. Чтобы ей получить яйцеклетки, сдать, ей нужно пройти гормонотерапию, уколы проколоть. То есть потом ее нужно ввести в наркоз, под наркозом забрать яйцеклетки, потом эти яйцеклетки оплодотворить. Не факт, что они оплодотворятся. Потом, если это возраст, то им нужно пройти ПГД (генетическая проверка эмбриона на генетические заболевания). И многие даже годы тратят, чтобы хотя бы один эмбрион получить. Делают там по 7, по 8, по 20 пункций просто женщины. Это тоже не конфетку съесть, чтобы получить хотя бы один эмбрион».

Первичный нарратив Натальи строился вокруг темы опровержения стереотипов относительно материнства. Помимо основного нарратива, можно выделить еще один, сфокусированный на теме биологических родителей, включая опыт общения с ними и подробное описание родов. Роды — один из немногих очень открытых эмоциональных эпизодов — мы видим глазами биологической мамы. Только ее действия и эмоции тут важны.

«И вот мы с био были на родах вместе. Она, бедная, там хуже меня, кажется, перепугалась, потому что роды были тоже непростые. Я как, извиняюсь, меня тошнило каждую схватку. Она все это видела. А мне было так стыдно в этот момент, что она это все видит. Я там вижу, она там в углу там бедная стоит, не знает, куда себя деть, как мне помочь»

Завершается этот нарративный фрагмент цитатой, которую мы уже приводили, про сравнение взглядов на ребенка Натальи и другой сурмамы. А цель всего нарратива — описать причину отсутствия привязанности Натальи к ребенку: это биологические родители и их любовь к ребенку, а также ее любовь к ним и их ответная благодарность.

«И вот когда я родила, я услышала этот крик. И первое, что сделала биоматериал, она не подбежала к ребенку, она подбежала ко мне, начала меня обнимать. У нее слезы. Я смотрю на нее — и сама плакать начинаю. И она говорит: „Наташа, спасибо большое!“ То есть я в этот момент, это такой заряд адреналина, эндорфинов, просто это непередаваемые эмоции, такого ты никогда не испытываешь».

Заключительная ремарка

Поскольку в данной работе представлен анализ единичного случая, мы не можем делать выводы о суррогатном материнстве в целом. Поэтому представим обобщение рассмотренного кейса. Данное интервью — пример автобиографической работы, сделанной женщиной, цель которой — представить суррогатное материнство в качестве своего пути. Этой цели служат ярко артикулированная агентность женщины, фокус на нормативном для России восприятии суррогатного материнства как работы и источника денег. При этом замалчиваются или нормализуются неприятные моменты, ретушируется эмоциональность.

Информантка фокусируется на тех целях, которые она воспринимает как достижимые: заработке и борьбе с общественным мнением. У нее нет возможности избавиться от тяжелого эмоционального багажа, который, при отсутствии явной негативной окраски, остается внутренне противоречивым. Поэтому все эмоции и ответственность за них она перекладывает на биологических родителей. Наталья в какой-то момент интервью описывает опыт женщин, которые уезжают на программу в другие города, оставляя своих детей, из-за чего они, по ее мнению, испытывают «перенос любви» со своего ребенка на вынашиваемого. Полагаем, что метафора «переноса любви» подходит и для отношения Натальи к биологическим родителям. Не имея возможности сформировать эмоциональную связь с ребенком, которого она вынашивает, она направляет эти чувства на его родителей.

Литература / References

- Богомяжкова Е. С. Вспомогательные репродуктивные технологии в контексте социального неравенства // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 98–109. EDN: [VBCHXF](#)
- Vogomyagkova E. S. (2015) Assisted Reproductive Technologies in the Context of Social Inequality. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 6. No. 4. P. 98–109. (In Russ.)
- Денисова М. С. Суррогатное материнство в России и в мире: правовые вопросы и векторы социологических исследований. Круглый стол Лаборатории экономико-социологических исследований 22 февраля 2018 г., Москва, Россия // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 3. С. 141–149. EDN: [XRLIDJ](#) DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-3-141-149>
- Denisova M. S. (2018) Surrogate Motherhood in Russia and in the World: Legal Issues and Vectors of Sociological Research Round Table of the Laboratory for Studies in Economic Sociology, February 22. 2018. Moscow, Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 19. No. 3. P. 141–149. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-3-141-149> (In Russ.)
- Душина А. Д., Керша Ю. Д., Ларкина Т. Ю., Проворова Д. Д. Легитимация коммерческого суррогатного материнства в России // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 1. С. 62–82. EDN: [VUZCMT](#) DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-1-62-82>
- Dushina A. D., Kersha Yu. D., Larkina T. Yu., Provorova D. D. (2016) Legitimation of Commercial Surrogacy in Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 17. No. 1. P. 62–82. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-1-62-82> (In Russ.)
- Ларкина Т. Ю. Чей это ребенок? Проблема конструирования и деконструирования родственных уз на рынке донорских гамет // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 73–92. EDN: [QNSYBP](#) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.6>

Larkina T. Yu. (2020) Whose Child is This? The Problem of Constructing and Deconstructing Kinship Bonds on the Donor Gamete Market. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 4. P. 73–92. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.6> (In Russ.)

Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Вспомогательные репродуктивные технологии глазами россиян // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 879–888. EDN: YWRXVB DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090073>

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. (2021) Assisted Reproductive Technologies Through the Eyes of Russians. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 91. No. 9. P. 879–888. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090073> (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127. EDN: FDKZEU DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-Encyclopedia: Narrative Interview. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 4. P. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8> (In Russ.)

Ткач О. А. «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 49–68. EDN: PZZIYR

Tkach O.A. (2013) "Half-Related"? Problematization of Kinship and Family in Print Media Discussing Assisted Reproductive Technologies. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 11. No. 1. P. 49–68. (In Russ.)

Almeling R. (2011) *Sex Cells: The Medical Market for Eggs and Sperm*. Berkeley: University of California Press.

Berend Z. (2012) The Romance of Surrogacy. *Sociological forum*. Vol. 27. No. 4. P. 913–936. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2012.01362.x>

Berend Z. (2014) The Social Context for Surrogates' Motivations and Satisfaction. *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 29. No. 4. P. 399–401. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2014.07.001>

Corbin J., Morse J. (2003) The Unstructured Interactive Interview: Issues of Reciprocity and Risks When Dealing with Sensitive Topics. *Qualitative inquiry*. Vol. 9. No. 3. P. 335–354. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800403009003001>

Cowles K.V. (1988) Issues in Qualitative Research on Sensitive Topics. *Western Journal of Nursing Research*. Vol. 10. No. 2. P. 163–179. DOI: <https://doi.org/10.1177/01939459880100020>

Deomampo D. (2013) Transnational Surrogacy in India: Interrogating Power and Women's Agency. *Frontiers: A Journal of Women Studies*. Vol. 34. No. 3. P. 167–188. DOI: <https://doi.org/10.5250/fronjwomestud.34.3.0167>

Elmir R. et al. (2011) Interviewing People about Potentially Sensitive Topics. *Nurse Researcher*. Vol. 19. No. 1. P. 12–16. DOI: <https://doi.org/10.7748/nr2011.10.19.1.12.c8766>

Fernandes G. C.M., Heidemann I.T.S.B., Costa M.F.B.N.A. (2017) Fritz Schütze's Autobiographical Narrative Analysis Applied to Nursing Research. *Texto & Contexto-Enfermagem*. Vol. 26. No. 2. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1590/0104-07072017004260015>

Gunnarsson P.J., Korolczuk E., Mezinska S. (2020) Surrogacy Relationships: A Critical Interpretative Review. *Upsala Journal of Medical Sciences*. Vol. 125. No. 2. P. 183–191. DOI: <https://doi.org/10.1080/03009734.2020.1725935>

Hochschild A. (2011) Emotional Life on the Market Frontier. *Annual Review of Sociology*. Vol. 37. No. 1. P. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150137>

Jacobson H. (2021) Commercial Surrogacy in the Age of Intensive Mothering. *Current Sociology*. Vol. 69. No. 2. P. 193–211. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011392120964909>

Jadva V., Imrie S., Golombok S. (2015) Surrogate Mothers 10 Years on: a Longitudinal Study of Psychological Well-Being and Relationships with the Parents and Child. *Human Reproduction*. Vol. 30. No. 2. P. 373–379. DOI: <https://doi.org/10.1093/humrep/deu339>

Kneebone E., Beilby K., Hammarberg K. (2022) Experiences of Surrogates and Intended Parents of Surrogacy Arrangements: A Systematic Review. *Reproductive Biomedicine Online*. Vol. 45. No. 4. P. 815–830. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2022.06.006>

Pande A. (2010) Commercial Surrogacy in India: Manufacturing a Perfect Mother-Worker. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 35. No. 4. P. 969–992. DOI: <https://doi.org/10.1086/651043>

Ramos M.C. (1989) Some Ethical Implications of Qualitative Research. *Research in Nursing & Health*. Vol. 12. No. 1. P. 57–63. DOI: <https://doi.org/10.1002/nur.4770120109>

Siegl V. (2018) Aligning the Affective Body. Commercial Surrogacy in Moscow and the Emotional Labour of Nastraivatsya. *Tsantsa*. Vol. 23. P. 63–72.

Smietana M. (2017) Affective De-Commodifying, Economic De-Kinning: Surrogates and Gay Fathers Narratives in US Surrogacy. *Sociological Research Online*. Vol. 22. No. 2. P. 163–175. DOI: <https://doi.org/10.5153/sro.4312>

Snowden R., Mitchell G.D., Snowden E.M. (1983) *Artificial Reproduction*. London: Allen and Unwin.

Strathern M. (1995) Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship. In: G. Faye, R. Rapp (eds.) *Conceiving the New World Order*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. P. 346–363.

Svašek M., Domecka M. (2020) The Autobiographical Narrative Interview: A Potential Arena of Emotional Remembering, Performance and Reflection. *The Interview*. Abingdon: Routledge. P. 107–126.

Szczepanik R., Siebert S. (2016) The Triple Bind of Narration: Fritz Schütze's Biographical Interview in Prison Research and Beyond. *Sociology*. Vol. 50. No. 2. P. 285–300. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038515570145>

Tashi S., Mehran N., Eskandari N., Tehrani T.D. (2014) Emotional Experiences in Surrogate Mothers: A Qualitative Study. *Iranian Journal of Reproductive Medicine*. Vol. 12. No. 7. P. 471–480.

Weis C. (2021) *Surrogacy in Russia: An Ethnography of Reproductive Labour, Stratification and Migration*. Leeds: Emerald Publishing Limited. DOI: <https://doi.org/10.1108/9781839828966>

Westland H. et al. (2025) Interviewing People on Sensitive Topics: Challenges and Strategies. *European Journal of Cardiovascular Nursing*. Vol. 24. No. 3. P. 488–493. DOI: <https://doi.org/10.1093/eurjcn/zvae128>

Сведения об авторе:

Анастасия Алексеевна Моисеева — магистрант, стажер-исследователь Центра исследований современного детства, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** mn_0911@mail.ru. **ORCID ID:** 0009-0001-9857-7398.

Статья поступила в редакцию: 04.09.2025

Принята к публикации: 18.03.2026

БАК: 5.4.4.

.....

The Making of a Surrogate Motherhood: Emotional Labor and Professionalization in Biographical Narrative⁴

DOI: 10.19181/inter.2026.18.1.2

Anastasiya A. Moiseeva HSE University, Moscow, Russia
E-mail: mn_0911@mail.ru

Using the example of a biographical interview with a surrogate mother from Russia, the article explores how a woman constructs her experience within the framework of commercial reproductive labor. The analysis shows that the key strategies of her narrative are the professionalization of her activity and emotional detachment from the child she carries. In this process, the central figures onto whom all emotions and meanings are transferred are the biological parents. Despite the dominant discourse of conscious choice and financial motivation, the experience of surrogate motherhood requires intense emotional work and complex negotiation of conflicting social roles. The conducted biographical interview is also considered as an example of research work with a sensitive field.

Keywords: surrogate motherhood; assisted reproductive technologies; reproductive labor; biographical method

Author Bio:

Anastasiya A. Moiseeva — Master's Student, Research Intern, Centre for Modern Childhood Research, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: mn_0911@mail.ru. **ORCID ID:** [0009-0001-9857-7398](https://orcid.org/0009-0001-9857-7398).

Received: 04.09.2025

Accepted: 18.03.2026

⁴ This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.